
Тот счастлив,
кто умеет замечать
под серый вечер
утренние краски.
На нём лежит младенчества
Печать,
А наши дни стремительны
И кратки.
С далёких дней
Храню одну мечту:
Хочу среди забот и потрясений
И в некрасивом
Видеть красоту,
И в декабре
Увидеть день весенний.

Белое бессмертие берёз.

Я был давно.
Ещё я долго буду,
Пока стоит единственная Русь,
Готовая к величию, как к бунту,
Заученная сердцем наизусть.
Я русский пахарь,
Сеятель и воин.
В глазах моих –
Синь неба и воды,
Да бешено-немая жажда воли
С пророчеством неведомой беды.
По мне идут столетия и бури,
Их боль ложится солью на виски.
Татарами изрубленный в куски,
Я поднимаюсь вновь,
От горя бурый.
Меня чужие дико топчут кони,
И вороны клюют мои глаза,
Но я встаю уверенно-спокойный,
Иных столетий слыша голоса.
Я – Русь.

Встаю и падаю,

И снова

Встаю!

И на губах горит полынь.

Я – Русь. Её начало и основа,

Её полей опора и теплынь.

Я был убит на поле Куликовом,

Но вновь восстал.

И в Бородинский бой

По старым и неписанным законам

Закрыл Россию горькую собой.

Я – Русь.

И отступают вражьи орды.

И так всегда

В пожарах новых гроз

Не гибну я,

А прорастаю гордо.

Как белое бессмертие берёз.

Память,

эта глазастая, пёстрая птица,

снова вскинула гибкие

быстрые крылья в полёте.

В хмарь осеннюю долгую,

как и мне, ей не спится,

и летит она в ночь над землёю

в житейской заботе.

Слышишь, память, вернись.

Ты напрасно, напрасно

Что-то ищешь впотьмах

на дорогах ушедшего лета!

Мне в холодной ночи

одному

оставаться опасно

без тебя и любви,

без людского тепла и привета.

Но молчит

одинокая гордая птица,

только крылья шуршат,
и медлительно движутся тени,
и огромная ночь
вся из синего-синего ситца,
словно память живая,
садится ко мне на колени.

Дорога устала от бега
И шума летящих колёс.
Дыхание первого снега
Над рощами ветер пронёс.

Как будто приходит старенье
Всему, что цвело и жило.
Деревьев немые корни
Ворочаются тяжело.

И в травах засушенных разных
По-лунному светит полынь...
Но снова за буднями праздник,
За холодом снова теплынь,

И новая зелень побега,
И старая песня колёс...
Дыхание первого снега
Над рощами ветер пронёс.

Давай сегодня помолчим.
Сердца за нас доскажут сами,
А мы в мерцающей ночи
Сойдёмся тёплыми глазами.
Веди нам уже немало лет,
И юность наша отшумела,
Но сохранить тепло и свет
Она воистину сумела.
Пускай меж нами был разлад,
Как будто рушилась основа.
Но разве облетевший сад
Весной не зацветает снова?
Кто от любви неизлечим,

Тот знает жизнь под небесами.
Давай сегодня помолчим –
Сердца за нас доскажут сами.

По нраву мне
Высокие деревья.
Их чёрных сучьев
Острые углы.
Когда земля,
Как белое поверье,
Отзеленев,
Выходит из игры.
Но в глубине корней
Таится сила,
Грозь прорваться
К солнечным лучам...
Стоят деревья гордо и красиво,
О новых днях мечтая по ночам.
И, облаков вершинами касаясь,
Они-то знают мужества удел.
В них бродит гулко
Новой жизни завязь,
Им песни века ветер нагудел.
Их высота
Мне с каждым днём роднее,
При встрече с ними
Радостны глаза.
Высоким быть – тревожней и труднее:
Разит высоких первыми гроза.
Вот почему растёт во мне доверье
К деревьям тем, с которыми расту...
Не умирают гордые деревья,
А гибнут,
Покидая высоту.

Стынет в синем холоде река,
Журавли над рощей отжурчали.
Старая дорога нелегка,
Но трудней, которая вначале.

Прошлое
 Позёмка замела,
Но легко от утреннего света.
Песенка пропетая мила,
Но милей, которая не спета.

Содрогнётся от удара твердь.
Каждый выстрел грозен и опасен.
Пуля пролетевшая – не смерть.
Та страшней,
 которая в запасе.

ЯБЛОКИ

Зреют яблоки, соком полнятся;
Но в пахучую пору эту
Мне другие яблоки помнятся
И совсем другое лето.
Берегами, заросшими рощами,
Весь в пыли и поту от похода
По разбитым дорогам Орловщины
Август шёл сорок третьего года.
У людей же улыбки радушные,
Будто нет ни разрухи, ни голода.
Площадь шумно людьми запружена,
Словно вышло с цветами лето,
И встречает сегодня дружно
Русских воинов гулом приветов.
Я стоял возле матери смиренно,
От рассвета ёжился зябко...
Вдруг
Солдат в гимнастёрке застиранной
Протянул мне
Два спелых яблока.
Были яблоки крутобокие.
И, взглянув на весёлые лица,

Тот солдат улыбнулся и, окая,
Мне:
- Возьми. Отобрал у фрица.
Мне как будто сказать было нечего.
Я стоял и молчал, как рыба.
Только к матери жался застенчиво
И совсем забыл про «спасибо»...
Годы скачут, как белые лошади.
Я теперь вспоминаю часто
Как тогда на гудящей площади
Ел я сочные яблоки счастья.

ЖЕНЩИНА

Женщина
Расчёсывает волосы,
В зеркало блескучее глядит.
Света перепутанные полосы
На её волнуются груди.
Отчего же полосы волнуются?
Вся она в стекле отражена,
И стеной закрытая от улицы,
Грудь её почти обнажена...
Тишина.
Ни звука и ни голоса,
В неширокой комнате одна
Влажные расчёсывает волосы
Женщина у белого окна.
Почему же так неосторожно?
Даже занавесок не свела,
Словно так сегодня и положено,
Если красотой расцвела.
И ложатся волосы богатством
На живую обнажённость плеч
Для кого-то золотистым царством,
Для кого-то,
Как по сердцу плеть.
Красоты
Нечаянный свидетель
Отрываю грешные глаза.
Так уходят от соблазна дети
И глядят с надеждою назад.
Но теперь, не сожалея вовсе,
Что тогда в окно не постучал,

По плечам распущенные волосы
Вижу в свете белого луча.
Сквозь метели белые и ливни
Я её поныне узнаю –
Полуобнажённую, без имени,
Незнакомку давнюю свою.
Чья она жена или невеста?
Кто её ласкает по ночам?
Почему глядит во тьму невесело,
Волосы рассыпав по плечам?
А возможно, даже не печалюсь,
В той же узкой комнате одна
Синими глазами излучает
Нежность беспокойную она.
Женщина расчёсывает волосы,
Словно пряжу медленно прядёт.
Тишина.
Ни звука и ни голоса.
И никто, наверно, не придёт.

СТАРИК

Он давно одевается не по моде
и живёт в комнате,
где полы чисты,
где единственная фотокарточка
на комодe,
девушка
удивительной красоты.
Он мурлычет задумчиво
старую песню
про ударный и боевой батальон.
В месяц раз
приносит ему пенсию
девушка с веснушками – почтальон.
Нет у него
ни родных, ни близких,
а друзей
он давно уже всех растерял:
числится кто-то
в посмертных списках,
кто-то министр,
а кто – генерал...

Он не ждёт никого,
ничего не требует,
говорит:
«Была бы крыша над головой,
соли щепоть да ломоть хлеба,
да родная земля под ногой...»

СЕНОКОС

Прошла коса,
Подрезала
Травы густой настой,
Прошла стальная
Резвая,
Блистая высотой.
Ей дела нет до запаха
И нет – до красоты.
В её холодных лапах
И травы и цветы.
В её жестоких лапах –
Ромашковая боль,
И в солнечных накрапах
Цвет неба голубой.
Цветы мои, прощайте
До следующих встреч.
Вы только обещайте
Красу свою беречь.
Прощай, иван-да-марья,
И ты, мой иван-чай,
До будущего мая
Прости меня.
Прощай.

Заблуди меня, лес,
Заблуди,
В царство сонное
Заведи,
Где по заводи
Без людей –
Стаи белые
Лебедей.

Где по шорохам
Ходит сон,
Словно в омуте
Старый сом,
И от зелени зелена
Дремлет медленная луна...

Там, не сетуя на судьбу,
Спит царевна
В хрустальном гробу.
И уста у неё,
Что мёд.
Не меня ли царевна ждёт?

Там волшебник,
И сед, и стар,
Жить на свете уже устал.
Я в избушку его постучусь,
Колдовать у него научусь.
И глаза тебе, лес.
Развяжу,
Царство сонное
Разбужу.
Выпью капли росы с листа,
Поцелую царевну в уста,
И завистникам на беду
За собою её
Уведу...

А пока это всё –
Впереди.
Заблуди меня, лес,
Заблуди!

Последний снег.
В его прощальном хрусте
Мне песня лебединая слышна.

Твои глаза,
Как две большие грусти,
И в них плывёт,

Качается весна.

Зачем грустить?

Всё в жизни повторится:

И этот снег,

И расставаний боль,

И лишь, как сон,

Блуждающий в ресницах,

Не повторится

Первая любовь.

ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЯ СВОБОДЫ

В. Н. Соколову

Вот и все.

Ничего не случилось.

Пролетела последняя ночь.

Ты жалеть и беречь научилась,

Но любить тебе, видно невмочь.

Пролетели мгновенья, как годы,

Прошумели, как ветер, слова.

Лебединая песня свободы,

Как и жизнь на закате, права.

Мы напрасно себя торопили,

Забывая о прошлом в пути,

И в мелькании мыслей забыли:

От себя никуда не уйти.

Вот и все.

На холодные воды

Голубая надвинулась тень.

Лебединая песня свободы

Обещает загадочный день.

ГОРОД МОЕЙ СУДЬБЫ

На реке Оке да на Орлике

Вырос город моей судьбы.

Переулки его и дворики

В свете утреннем голубы.

Деревянный да белокаменный
В изумрудном кольце садов.
Только память его с окалиной
От пожаров былых годов.

Помнят липы его да акации,
Помнят люди его сполна
Время страшное «оккупация»,
Слово проклятое «война».

И тянулись, как вечность, месяцы,
И стучали шаги сильней
По ступеням железной лестницы
Раскалённых ночей и дней.

Город мой, до глубин израненный,
Исковерканный до венца,
Содрогнулся на зорьке ранней
От истерзанного лица.

Но прошли-прошумели месяцы,
И теперь, через много лет,
По ступеням зелёной лестницы
Снова льётся небесный свет.

И горит, как огонь содружества,
Ярче многих других огней
Пламя стойкости, пламя мужества,
Пламя памяти грозных дней.

ПАМЯТИ ОТЦА

Не вернуться
Без вести пропавшие.
Не увидят сыновья отцов.
Матери
С глазами позапавшими
К ним на грудь не упадут лицом.

Будут ливни,

Будут листья падать
Точно так,
Как много лет назад,
Будет вдов измученная память
Вспоминать
Далёкие глаза.

Будут сны, туманно оседая,
В глубине мерцать,
Как первый снег...
И однажды
Женщина седая
Закричит испуганно во сне.

Ей приснится:
В переплеске молний
Муж её расстрелянный лежит.
А над ним
Зловеще и безмолвно
Чертят небо чёрные стрижи...

* * *

Утренний голос
Тихий голос меня окликает.
Я иду на него, как на свет.
По деревьям
На травы стекает
Голубой и зеленый рассвет.

Мне родное в том голосе слышно,
Словно это усталая мать
За калитку на улицу вышла
Загулявшего сына позвать.

Или, может, отец мой,
Пропавший
На войне,
Никого не виня,
Весь дорогой и дымом пропахший,
Окликает тихонько меня...

Голос детства
Во мне пробудился,
И душа замирает во мне,

Будто маленький,
Я заблудился
В голубой и зеленой стране.

То ли с колосом шепчется колос,
То ли ветер шумит у огня.
Но звучит -
Этот утренний голос
И зовет,
И волнует меня.

Земные Родины черты,
И листьев шум,
И посвист птицы
В зеленых ветках ивняка -
Все светлой памятью хранится,
Как чистый голос родника.

Нам голос детства отзовется
В разливе сел и городов
То тихой песней у колодца,
То звоном дальних поездов.

Нам дорисовывает слово
Деревни, реки и кусты...
И вижу я в картине новой
Земные Родины черты!

И никуда от них, не деться,
И никогда не позабыть,
Как никогда не наглядеться
На то, что выпало любить.

* * *

Мне еще поется и шагается,
И звенит упруго жизни нить.
В сердце песня добрая слагается.
Значит, рано голову клонить.

Значит, рано под весенний вечер
Подводить решительно итог.
Как листок, я на земле не вечен,
И просвечен солнцем, как листок.

Слышу, как свистят за речкой зяблики.
Вижу не во сне, а наяву -
Лет моих сиреневые яблоки
Падают в зеленую траву.

* * *

Кого я другом назову,
Кому до дна открою душу,
Пред кем во сне и наяву
Немую клятву не нарушу?

Бывает, встрепенешься вдруг,
Вокруг посмотришь зрелым взглядом -
Нет никого, и только друг
Стоит один с тобою рядом.

Понятный сложностью своей
И простотой понятный тоже,
Чем откровенней, тем родней,
Чем веселее, тем моложе.

* * *

Мой дом остался за холмами,
Среди сиреневых кустов,
Под ливнями и под громами,
Как в одиночестве пустом.
А я ушел из дома в горы.
Вернусь иль нет - не знаю сам.
Меня все приближают годы
К моим прозрачным небесам.
Мне видно ясно и подробно
Мое скрипучее крыльцо,
Забор, поставленный неровно,
Усталой матери лицо.
Я узнаю окно слепое,
Под ним - черемуху мою.
А дальше сад,
А дальше поле
Я нежно-нежно узнаю,
Но ухожу все выше в горы
Всем нежностям наперекор,
Хотя оттенком непогоды -
В глазах у матери укор.

* * *

Луна, очерченная строго,
Взошла, огромна и кругла,
Как будто вышла на дорогу
Из-за туманного угла.

В деревьях задремали птицы,
Не шелохнется темный лист.
Порой замрет и повторится
Тревожный полусонный свист.

Как будто позовет на помощь
Высокий голос из глуши.
И снова медленная полночь
Течет спокойствием в тиши.

Вечерняя гроза

Весь день стояла тишина,
И лишь под вечер в поднебесье
Прошла гремучая волна
И задрожало мелколесье.

И дождь нахлынул с высоты,
Гонимый ветром над полями,
Упал на травы и кусты
С отяжеленными ветвями.

И запад огненный погас,
И в поле сразу потемнело.
Но над раздольем через час
Седое небо онемело.

Прошла вечерняя гроза,
И травы вдруг помолодели,
И звезд умытые глаза
На землю чистую глядели.

Молодость моя идет на убыль

Молодость моя идет на убыль,
Уплывает молодость моя.
"Ты куда же, - тихо шепчут губы, -
Ты в какие дальние края?"

На вопрос она не отвечает,
Уплывает по озерам лет.
Только сквозь деревья излучает
Голубой неповторимый свет.

В этом свете жизнь моя проходит,
Полная удач и неудач.
В мае мы не думаем про холод,
В радости - не говорим про плач.

Многое еще я сделать должен,
Жизнь моя трудом напряжена.
Будет путь мой по земле продолжен,
Мне твоя уверенность нужна.

Потому прошу тебя, как друга,
Не забудь, что на земле живу.
Если будет в жизни очень туго,
Я тебя на помощь позову.

* * *

Горем ли чужим заплачу
Или радостью взорвусь,
Слова в сердце не упрячу,
Словом добрым отзовусь.
И живет оно, и дышит,
И врачует, как трава.
Посреди седых ледышек
Бьются теплые слова.
И меня волнует снова
Слово-образ, слово-нить...
Для того оно и слово,
Чтобы людям говорить.

* * *

На родине моей опять апрель.
Уже в лесу листом запахло прелым,
И первой птицы утренняя трель
Светло перекликается с апрелем.

И ты меня, любимая, прости,
Что я тебя на время покидаю,

Но хочется из города уйти
Навстречу первым ландышам и маю.

Сверкнет, как в детстве,
Молнии излом,
В груди замрет и что-то оборвется,
Когда ударит в небе первый гром,
И первый лист на ветке
Встрепенется.

* * *

Ты говоришь,
что осени не рад,
а я люблю
осенний листопад.
Меня, как песня,
за душу берет
и рыжий холм
с зарею за плечами,
и нагота
молоденьких берез
среди картин
торжественной печали.
Уже восток от солнца
языкат,
и тянутся на юг
крикливо гусли.
Настраивает ветер-музыкант
унылых проводов
тугие гусли.
И, ни о чем пространство не моля,
свободно пробуждается земля.

Перед дорогой

Деревья милые, прощайте.
Я не нарушу ваш покой,
С вагонной медленной площадки
Я молча вам махну рукой.

Мой старый клен,
Ты не досадуй,
Береза, слышишь! - не грусти,

Не провожай меня из сада
И веточками не хрусти...

* * *

Не жалею о том,
Что забыто,
И о том,
Что не встречено мной...
Дни мои
Простучат, как копыта
Скакуна
По дороге земной.
Вдоволь выпью
И горя,
И смеха
И умру со звездой в руке.
Только жизни
Далекое эхо
Будет
долго
скакать
вдалеке.